

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г37

Frank Herbert
DUNE. DUNE MESSIAH. CHILDREN OF DUNE.
GOD EMPEROR OF DUNE. HERETICS OF DUNE.
CHAPTERHOUSE: DUNE

*Перевод с английского П.Р. Вязникова («Дюна»),
Ю.Р. Соколова под редакцией П.Р. Вязникова («Мессия Дюны»),
А.Н. Анваера («Дети Дюны»), («Бог-Император Дюны»),
(«Еретики Дюны»), («Капитул Дюны»)*

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения Herbert Properties, LLC и литературных
агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 18.12.14. Формат 84х108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 169,7. Тираж экз. Заказ № .

Герберт, Фрэнк.

Г37 Хроники Дюны : [фантастические романы] / Фрэнк Герберт;
[пер. с англ.] — Москва: АСТ, 2015. — 1612, [4] с.

ISBN 978-5-17-088982-2

Фрэнк Герберт успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Хроники Дюны», — возможно, самой прославленной фантастической саги нашего столетия, саги, переведенной на десятки языков и завоевавшей сердца миллионов читателей по всему миру.

Авторитетный журнал научной фантастики «Локус» признал «Дюну», — первый роман эпопеи о «песчаной планете», — лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось невозможное — создать своеобразную хронику далекого будущего. И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной.

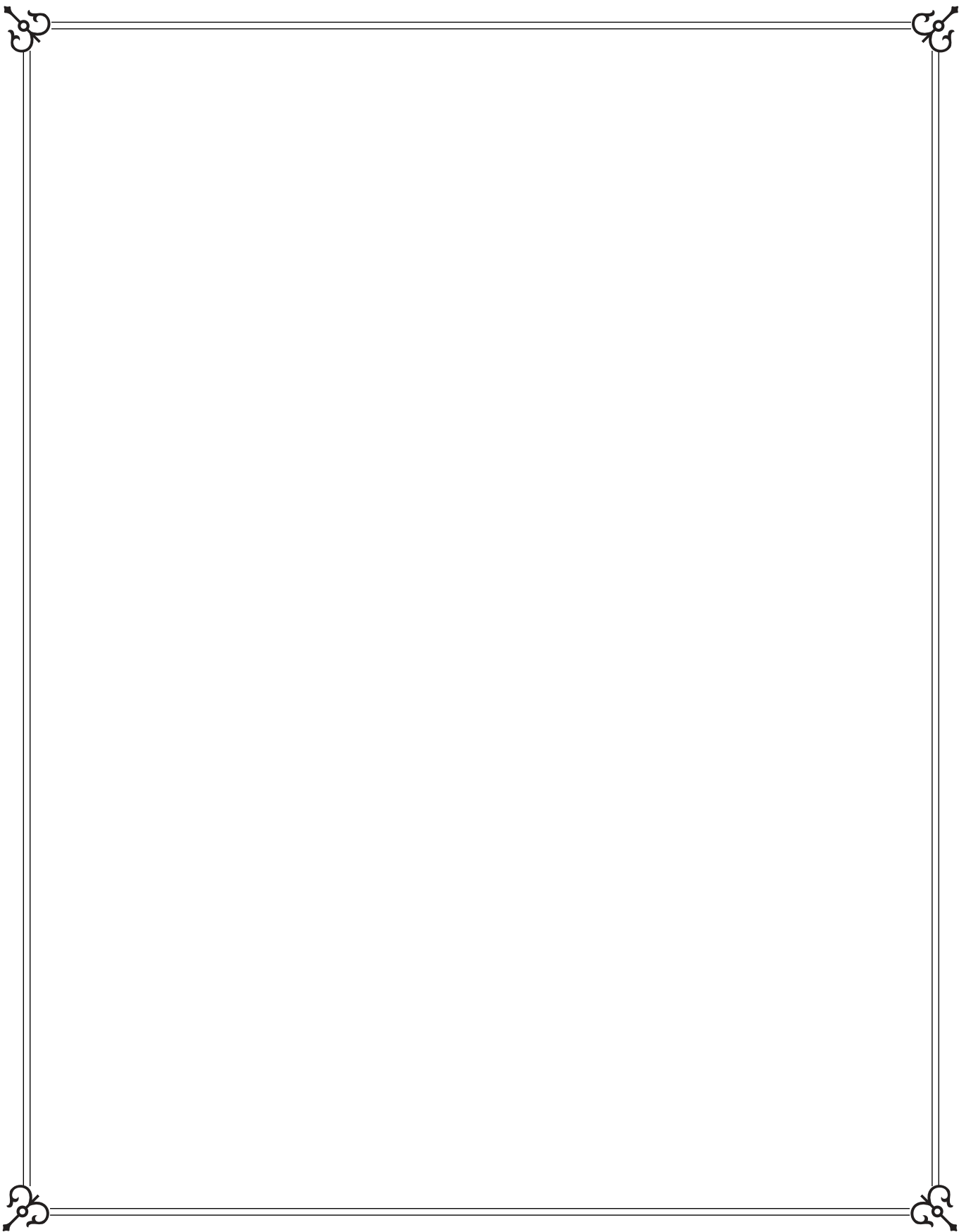
Цикл «Хроники Дюны» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики. Но что обеспечило ему такую громкую славу и такую беспрецедентную популярность?

Прочитайте — узнаете сами!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Frank Herbert, 1965, 1969, 1976, 1981, 1984, 1985
© Перевод. П.Р. Вязников, 1999
© Перевод. Ю.Р. Соколов, 1999
© Перевод. А.Н. Анваер, 1999, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

✦
ДЮНА
✦

КНИГА I

ДЮНА

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмечено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диб, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, — вот место Муад'Диб, вовеки.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диб» принцессы Ирулан)

За неделю до отлета на Арракис, когда суета приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пауля.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейде-сов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пауля, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, приглушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину — та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалившаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

— Не маловат ли он для своих лет, Джессика? — спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал как расстроенный балисет.

Мать Пауля ответила своим мягким контральто:

— Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

— Слыхала, — проскрипела старуха. — Но ему уже пятнадцать.

— Да, Преподобная.

— Ага, он проснулся и слушает! — Старуха всмотрелась в лицо мальчика. — Придается, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квисатц Хадерах — тогда... впрочем, посмотрим.

Пауль, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала — глаза старухи — увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

— Спи, спи пока спокойно, притворщик, — проговорила старуха. — Выспись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пауля в коридор, и захлопнула дверь.

Пауль лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов.

Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую слу-

жанку. А ведь его мать — Бёне Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдиса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправиться туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пауля шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис — Дюна — Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-ассасин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом — он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья, Пряности Пряности, меланжи — контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы — и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава — основа зависти владык», — сказал тогда Хават.

Арракис — Дюна — Планета Пустыни...

Пауль спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользящие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина — торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пауль даже в забытьи чувствовал, что не забудет это видение — пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пауль лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классо-

вые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет каидов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» — не внесенные в имперские переписи...

Арракис — Дюна — Планета Пустыни...

Пауль почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха — и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: *...аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой нервной и кровеносной систем — согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое — все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...*

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пауля.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пауль почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суета. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны, и зеленые глаза торжественно-строги.

— Проснулся? — спросила она. — Хорошо выспался?

— Да.

Пауль пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бэне Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом — гербом дома Атрейдес — на нагрудном кармане.

— Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

— Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

— Моя бывшая наставница в школе Бэне Гессерит. Сейчас она — личная Правовидица Императора. И, Пауль... — мать на мгновение умолкла, — Пауль, ты должен рассказать ей о своих снах.

— Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

— Мы еще не получили его. Он не наш... — Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. — Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пауль сел, обхватил колени.

— А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Паулю заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

— Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

— Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохий-ам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны

кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бэне Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! — думала Преподобная Мать. — Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе — левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пауль коротко поклонился: по этикету — «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

— А он осторожен, Джессика, — промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули — от страха. Затем она вновь овладела собой.

— Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» — в который раз подумал Пауль.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица — как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос, разрез прямо смотрящих зеленых глаз — наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. *Этот* дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» — подумала Преподобная.

— Одно дело учение, — сказала она, — совсем иное — основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессику короткий взгляд.

— Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пауля.

— Преподобная, я...

— Ты знаешь, Джессика, что *это* необходимо.

Пауль озадаченно посмотрел на мать.

Та выпрямилась.

— Да... конечно...

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

— Пауль, — Джессика глубоко вздохнула, — испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

— Испытание?

— Помни, что ты — сын герцога, — сказала Джессика, резко повернулась и вышла из зала, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пауль, сдерживая гнев, спросил:

— Можно ли отсылать леди Джессику как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

— А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. — Старуха покивала. — И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пауль повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», — подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

— Ты видишь это? — сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пауль увидел, что одна из граней открыта — внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

— Вложи сюда руку, — приказала старуха.

Почувствовав внезапный укол страха, Пауль отшатнулся, но старуха остановила его:

— Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пауль почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пауль заметил уголок глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

— Стой! — каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пауля вернулся к лицу старухи.

— У твоей шеи я держу гом джаббар, — отчетливо произнесла она. — Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пауль попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица — сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

— Сын герцога должен кое-что знать о ядах, — сказала старуха. — В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные, и те, что посредине. Этот яд — новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

— Ты смеешь предполагать, что сын герцога — животное?! — гневно спросил Пауль.

— Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, — усмехнулась она. — Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

— Кто ты? — прошептал Пауль. — Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харконненам?

— Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. — Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

— Недурно, — сказала она. — Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри — живешь. Выдерживаешь — умираешь.

Пауль глубоко вдохнул, умиряя дрожь.

— Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

— Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание; теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: не часто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пауль судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пауль почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

— Начинай, старуха, — надменно сказал он.

— Старуха! — каркнула она. — А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж,

посмотрим... — Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: — Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее — я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку — и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

— Что в этом ящике?

— Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. *Что можно испытать таким образом?* Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

— Ты слышал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Пауль.

— Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пауль сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

— Жжет, — прошептал он.

— Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пауль скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание — и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его испытываемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пауль ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

— Довольно, — пробормотала старуха. — К'ул вах'ад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... — Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. — Ну что же, вынь руку, *человек*... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пауль взгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

— Ну же! — прикрикнула старуха.

Пауль рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

— Боль вызывается невроиндукцией, — объяснила старуха. — Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... — Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

— Но боль... — начал Пауль.

— Боль! — фыркнула Преподобная. — Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пауль почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

— Ты и с моей матерью это проделывала?

— Видел, как просеивают песок сквозь сито? — спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. *Песок сквозь сито*... Он кивнул.

— А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

— И все, что вам для этого надо, — боль? Это единственный критерий?

— Нет. Я наблюдала не за болью — за тобой в боли. Боль, мальчик, — это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание — это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пауль кивнул:

— Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомнив себе: «Надежда мешает вниманию».

— Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

— Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

— Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

— Предпочитаю стоять.

— А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

— Я — не она.

— Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? — Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: — Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было невероятное напряжение. Увидев Пауля, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

— Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? — спросила старуха.

— Я люблю и ненавижу одновременно, — откликнулась Джессика. — Ненависть — это причиненные тобой страдания. А любовь...

— А любовь — суть, только и всего, — сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. — Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «*Мой сын жив*, — думала

она. — Мой сын жив — и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и — реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пауль посмотрел на мать. «Старуха не соврала», — решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пауль чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

— Может быть, настанет день, — произнесла старуха, — и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пауль снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пауль чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримо существующим и увлечет куда-то выше...

— Но зачем вы испытываете людей?

— Чтобы освободить их.

— Освободить?

— Когда-то человечество изобретало машины — в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин...

— «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», — процитировал Пауль.

— Верно, так заповедано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь

в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума *человеческого*». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

— Я *учился* вместе с Суфиром Хаватом.

— Великий Джихад лишил человечество костылей, — промолвила она. — Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека — именно человеческие способности.

— Ты говоришь о школах Бёне Гёссерит?

Она кивнула.

— От школ того времени сохранились две: Бёне Гёссерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бёне Гёссерит интересуется нечто другое...

— Политика, — утвердительно сказал Пауль.

— *Кул вахад!* — воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессеку.

— Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Паулю.

— Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... — проворчала она. — Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных — для наших евгенических программ.

...Внезапно слова старухи потеряли для Пауля свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

— Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

— Однако их генетические линии занесены в наши книги, — ответила старуха. —

Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

— Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

— Некоторые из нас знают своих родителей, другие — многие! — нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пауль почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

— Много же вы на себя берете, — проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика — она не ослышалась?

— У нас тяжелая ноша, — ответила она.

Пауль чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

— Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек — гом джаббар?

— Пауль, — остерегла его Джессика, — ты не должен разговаривать таким тоном с...

— Я сама разберусь, Джессика, — оборвала ее старуха. — Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидиц?

— Его принимают для усиления способности распознавать обман, — отвечал Пауль. — Мать рассказывала мне о нем.

— А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

— Никогда.

— Снадобье — опасный наркотик, но он дает пронизательность, и... Когда Правдовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. — В ее голосе прозвучала печаль. — И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

— Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

— Да — тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь, — Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

— Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?

— Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

Пытаться понять Муад'Дибя без того, чтобы понять его смертельных врагов — Харконненов, — это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это — попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это — невозможно.

(Принцесса Ирулан, «Жизнь Муад'Дибя»)

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, унизированной перстнями рукой, вращался на причудливой форме подставке у стены кабинета. Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло — они были сплошь заставлены разноцветными

свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой — розовое с зеленым — крышкой из окаменевшего элакового дерева. Его

окружали кресла на силовой подвеске, приспособившиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темноволосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий, невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

— Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

— Вне всякого сомнения, мой барон, — ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустилась на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещь: из тех, что изготавливались для богатых коллекционеров и назначенных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

— Прошу сосредоточиться, — проговорил бас. — И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге — все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это — Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

— И подумать только, мой барон: Падисах-Император полагает, что *он* отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

— Не говори ерунду, — пробурчал барон. — Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

— Ну, что там? — нетерпеливо окликнул барон.

— Глупец ответил нам, мой барон!

— А когда это Атрейдесы упустили возможность сделать красивый жест?.. — сказал барон. — Ну и что же он пишет?

— Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» — ни «Сир и дражайший кузэн», ни титула — ничего!

— Харконнен — достаточно хорошее имя, — проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. — Что же изволит сообщить дорогой Лето?

— Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

— Это все?

— «Старинное искусство канли́ имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». — Питер засмеялся. — Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

— Замолчи, Питер, — спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. — Так, значит, канли́? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, — спе-